

Э.Х. Манкиева
(Москва, Россия)

Особенности «гендерной» философии Л.Н. Толстого (На материале повести «Хаджи-Мурат»)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности антропологических и нравственных исканий Л.Н. Толстого, в центре которых семья как высшая форма гендерной культуры и фундаментальная основа счастья. Особое внимание уделено гендерно маркированным образам.

Ключевые слова: гендер, Кавказ, повесть, Хаджи-Мурат, война, семья, гендерная культура

E. Mankieva
(Moscow, Russia)

Specifics of L.N. Tolstoy “Gender” Philosophy (“Hadji Murad”)

Abstract: The article deals with the anthropological and moral views of Leo Tolstoy, his idea of the family as the highest form of gender culture and the fundamental basis of happiness. Particular attention is paid to characters, that are gender-marked.

Key words: gender, Caucasus, “Hadji Murad”, war, family, gender culture

Стремительное развитие гендерных исследований в XXI в. актуализировало научный интерес к художественно-философским наработкам величайших отечественных писателей в вопросах семьи и «социокультурного проявления пола»¹. Л.Н. Толстой всегда проявлял повышенный интерес к семье как антропологической проблеме. Цель данной статьи – на материале его «кавказоведческой» антивоенной повести «Хаджи-Мурат» рассмотреть семейный дискурс его философских учений.

Печатью индивидуального почерка самой высокой пробы отмечен реализм Л.Н. Толстого. О методологии Толстого написан специальный труд его помощником и литературным секретарем А.П. Сергеевко², который на примере творческой

¹ См.: *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.

² См.: *Сергеевко А.П.* «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести / Вступ. статья и примеч. В.А. Ковалева. М.: Современник, 1983.

истории «Хаджи-Мурата» воспроизвел и установил «железный принцип» автора следовать документально подтвержденным фактам. Как отмечает К.К. Султанов, «при обращении к кавказскому сюжету Л.Н. Толстой обнаружил невиданные доселе в его практике рвение исследователя, требовательность аналитика, педантичность источниковеда, оставаясь неизменно художником»¹. Писатель специально изучал языковую картину, историю, географию, этнографию Кавказа, интересовался антропонимикой и т. д. Он подвел под повесть «Хаджи-Мурат» мощный этнокультурный фундамент, который обеспечил высокое качество реализма. Но несоизмеримо ценнее то, что Толстой-реалист подходит к сложнейшим и противоречивым явлениям северокавказского фронта не как пассивный и бесстрастный регистратор, но как гуманист, способный в поисках высшей истины встать над собственными этническими, гражданскими, военными интересами, господствующими политическими, идеологическими предрассудками и с позиции сострадания дать оценку положению горцев, отстаивающих свой «космос».

Война есть война, и она естественным образом создала сильнейший крен в сторону маскулинного в повести «Хаджи-Мурат». Андроцентризм проявляет себя в подчеркнута мужском заголовке, в милитаристской тематике, в подборе персонажей с превалянием мужчин. Общая канва произведения такова. Описывается сломанный, но не сломленный репейник, уподобляющийся Хаджи-Мурату – храброму воину, сподвижнику Шамиля. В результате политических и психологических разногласий Хаджи-Мурат с несколькими соратниками переходит на сторону русских. В отместку Шамиль захватывает в заложники всю семью Хаджи-Мурата и угрожает обесчестить женщин и ослепить его единственного сына. Главный герой всеми силами уговаривает новообретенных русских друзей посодействовать в освобождении заложников. Убедившись, что руководство царской армии до конца не доверяет ему и помогать не собирается, Хаджи-Мурат сбегает из крепости. В результате погони были настигнуты и расстреляны все беглецы, в том числе Хаджи-Мурат, который в одиночестве долго и отчаянно сражался, повергая в ужас преследователей.

Все описанные события происходят на северокавказском фронте. «У войны не женское лицо», поэтому горянок не видно на пограничной линии, где происходит столкновение европейского и восточного миров. Горянка – «невидимка», скрытая от посторонних глаз. Этому способствует и то, что «в соответствии с кавказской стереометрией горское поселение представляет собой крепость, систему самодостаточного и закрытого пространства»². Но художники-реалисты уровня Л.Н. Толстого с их диалектическим сознанием, обращаясь к глобальным антропологическим проблемам, никак не могут исключить из поля зрения «женщину» как парную категорию «мужчины», как мать, сестру, бабушку, дочь, жену, невесту, как личность, которая многообразно проявляет себя и опосредованно влияет на исторический ход социальной жизни.

Исключением не является и повесть «Хаджи-Мурат», где женское начало не бросается в глаза, не занимает центральные позиции, но оно активно присутствует в тексте. Словом «исподволь» можно точнее всего обозначить уровень этого присутствия, где автор штрихами, намеками, микрообразами, жестами, символикой имени, цвета, предметным миром сообщает необходимую гендерно значимую

¹ Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог М.: Наука, 2007. С. 109.

² Кучукова З.А. Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. С. 10.

информацию. Наша исследовательская задача – воссоздать тонкий, разлитый по всему произведению этногендерной слой повести, дать его научное описание.

Ключом к пониманию всей «кавказской военной» литературы является понятие «фронтир», определяющее композиционную структуру, специфику художественного конфликта и расстановку персонажей в текстах. По обе стороны пограничной линии располагаются мужские миры, находящиеся в той или иной степени конфронтации друг к другу: представители Российской империи и кавказские горцы. Такую же бинарную позицию занимают противопоставленные миры женщин (европейских и северокавказских), которые в отличие от мужчин не выведены на центральную часть арены боевых действий, а спрятаны позади сценического «занавеса» в роли второстепенных персонажей.

Панорамный взгляд на Кавказ с «высоты птичьего полета» сразу позволяет выявлять разницу в локализованности русских и кавказских женщин по отношению к «раскаленному» фронтиру. У реалиста Л.Н. Толстого мир российских мужчин, служащих на Кавказе, сильно «разбавлен» женщинами. В основном это жены военнослужащих. Что касается северокавказских женщин, то они, как правило, проживают на значительном расстоянии от фронта, в высокогорном ауле. Первая горянка, упоминаемая в повести, встречается читателю в чеченском ауле Махкет в сакле Садо, верного друга Хаджи-Мурата. Здесь сразу можно отметить факт гендерной асимметрии: в доме проживают три поколения мужчин: Садо, его отец и его сын – мальчик-подросток «пятнадцати лет с блестящими глазами». К мужской «гвардии» в сакле вскоре присоединяются Хаджи-Мурат, его мюрид Элар и брат хозяина.

Женский пол представлен всего лишь двумя персонажами: хозяйкой дома и ее дочерью – «совсем молодой девочкой»¹. Имена женщин не названы. Л.Н. Толстой точно воспроизводит коммуникативные особенности горянок, которые не вступают в разговоры с мужчинами, не задают вопросов, ведут себя сдержанно. Неоднократным использованием наречий «тихо», «мягко» и их производных автор подчеркивает деликатность и предупредительность горянок, которые свою роль видят только в проявлении уважения к мужчинам, услужении им, предоставлении достойного угощения и комфортного отдыха. Выражения «женщины тихо двигались», «совершенно затихли за дверью», «мягкие шаги» он характеризуют женщин. Толстой, всегда внимательный к деталям, специально подчеркивает их «бесподошвенные чувяки», еще раз акцентируя внимание читателя на деликатности женщин, которые почти «дематериализованы» в мужском обществе. Чувствуется в изображении Л.Н. Толстого дистанцированность мужского и женского миров, их минимальная соприкасаемость. Ни одна из мужских затей, ни один проект не обсуждается с женщинами. С этногендерной точки зрения важно обратить внимание на следующее: в решении судьбоносных решений для аула, Дагестана, всего Северного Кавказа на равных правах со взрослыми горцами принимает участие пятнадцатилетний мальчик, но никак не хозяйка, не женщина, казалось бы даже умудренная жизненным опытом.

Как полный контраст «гендерному содержанию» горской сакли видится эпизод, посвященный русской стороне фронта и, конкретно, дому полкового командира Куринского полка князя Семена Михайловича Воронцова, где он проживает с женой Марьей Васильевной – «знаменитой петербургской красавицей». В изображе-

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 391.

нии Л.Н. Толстого она является эпицентром мужского общества и мужского внимания. По отношению к ней писатель постоянно использует атрибутивные телесные признаки «большой», «крупный», «крепкий», «сильный», «высокий», подчеркивая ее физическую и личностную величину. В отличие от горской иерархической модели «мужское – женское» здесь наблюдается партнерство, равенство, идея взаимозаменяемости мужчины и женщины. Создается впечатление, что подлинной «главнокомандующей» в данной военной крепости является Марья Васильевна.

По гендерной философии Л.Н. Толстого, «один ум – хорошо, два – лучше». На примере семьи Воронцовых писатель показывает преимущественно единомышленничества, синтез мужского аналитического разума и женских дипломатических способностей, особенно в таких масштабных делах, как выстраивание политического курса в сложном регионе и управление военными силами страны. В Марье Васильевне воплощены лучшие черты русской женщины, которая, не ущемляя самолюбия своего мужа, не принижая его, умеет незаметно для окружающих оградить его от роковых неприятностей.

Как показывает Л.Н. Толстой, русские женщины, представляя пример высокой нравственности, во многом способствовали налаживанию языковых и культурных контактов между кавказцами и представителями Российской империи. В этом отношении весьма показательна первая встреча Марьи Васильевны с Хаджи-Муратом. Не холодным рассудочным умом, а сердцем русская женщина понимает, что для восточного человека первостепенное значение имеет понятие «семья», поэтому она сразу, с первых минут знакомится с ним не только сама, одаривая его дружелюбной улыбкой, но знакомит с ним и своего ребенка. И Хаджи-Мурат, и Марья Васильевна понимают, что присутствие ребенка в данном коммуникативном контексте – знак абсолютного взаимодоверия кунаков.

Религиозная нетерпимость представителя определенной конфессии к «инакомыслящим» может иметь разный «градус», зависящий от его внутренней культуры. Особенно ярким индикатором в этом вопросе выступает отношение верующего к женщинам иной культуры, иного вероисповедания. В интерпретации Л.Н. Толстого Хаджи-Мурат по-философски уравновешен и толерантен в своих взглядах на другие обычаи, нравы и традиции. Он не религиозный фанатик, несмотря на глубокую преданность собственной вере и свое «религиозное» имя: «Хаджи-Мурат» – это фактически означает ‘Мурат, совершивший хадж в Мекку’. Как настоящий «экзамен» на толерантность и широту взглядов выглядит эпизод появления Хаджи-Мурата на балу в доме Воронцовых с «молодыми полуобнаженными женщинами». Горцу достаёт такта, веротерпимости и толерантности избежать негативных оценочных суждений и всем отвечать спокойно, просто и ясно: «что у них этого нет», – не высказывая того, хорошо или дурно, что «этого нет у них»¹. «Экзаменационную оценку» Хаджи-Мурату ставит сам Толстой, специально подчеркивающий, что горец «не лезет в чужой монастырь со своим уставом», признавая за каждой этнокультурой право на самовыражение.

На этот момент толстовской «чуткой диагностики возможного сближения» обращает внимание К.К. Султанов, скрупулезно исследовавший семиотику «детской улыбки» Хаджи-Мурата, пролагающей путь к «уменьшению несогласия»². Поддерживая и развивая концепцию К.К. Султанова о наличии в романе специ-

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы. М., 1985. С. 429.

² Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. С. 117.

альных «диагностических знаков сближения» разносистемных миров, отметим значимость концепта «рука», (руки), также символизирующих острую потребность людей в культурном диалоге. Нами замечено, что из всех соматических единиц Л.Н. Толстой с наибольшей частотностью упоминает именно «руки» в разных тематических контекстах: «колет руки», «завернул платком руку», «рукопожатие», «большие белые руки» и т. д. На наш взгляд, «белизна рук», столь явно подчеркиваемая Л.Н. Толстым, тесно увязывается с белыми женскими платками, символизирующими окончание вражды и утверждение мира. В том же ряду белая бурка, переданная в дар русской женщине «кавказским Наполеоном», которая перерастает свое утилитарно-практическое назначение и превращается в манифестацию мира между народами, отрицания войны, закрепления «новорожденных» мирных отношений.

Весь узел противоречий, связанных с войной, фронтиром, коллизиями гендерного характера, Л.Н. Толстой «снимает» поэтизацией семьи, являющейся для него квинтэссенцией самой жизни. Автобиографические черточки самого писателя с его культом семьи легко прочитываются в образе Хаджи-Мурата, для которого в иерархической системе ценностей семья занимает первое место. Нетрудно заметить, что при общении с представителями другой стороны «баррикады» он легче всего выстраивает дипломатические мосты там, где есть теплый микроклимат семьи. Во-первых, это семья Воронцовых, где домашний уют, улыбчивая хозяйка, маленький ребенок «затмевают» войну, выступают как здоровое, созидательное, альтернативное военному быту состояние человеческого общества. В изображении Л.Н. Толстого семья – это некое сакральное пространство, где враги становятся друзьями: недаром в кавказских традициях даже противник, оказавшийся в статусе гостя, «растворяясь» в семье, становится кунаком и подзащитным. Само понятие «семья» для русского писателя и его героя-протагониста высшая форма отрицания войны.

В романе Л.Н. Толстого военные крепости северокавказского фронта «очеловечиваются» присутствием в них женщин. С большой симпатией автор также рисует образ Марьи Дмитриевны, «дочери фельдшера». С точки зрения народной дипломатии ей нет цены, именно она находит ключ к сердцу и к разуму Хаджи-Мурата. Там, где офицеры и солдаты видят «черта», «страшного горца», «чудовище», Марья Дмитриевна видит глубоко трагичного человека с изломанной судьбой, с трудноразрешимой семейной проблемой. Она настолько тонко его чувствует, что, прощаясь, находит для него самые необходимые благопожелательные слова: «Дай бог вам сына выручить!»¹ По художественной концепции Л.Н. Толстого, ничто так не расшатывает семью, ее гендерное равновесие, как война. Страдают все семьи, независимо от принадлежности к побеждающей стороне или к проигрывающей, российской или северокавказской. Такого рода социально-семейную катастрофу Л.Н. Толстой показывает на примере семьи Авдеевых. Война становится источником хаоса в семейной жизни, причиной падения моральных нравов и духовной дезориентированности общества.

В подтексте повести «Хаджи-Мурат» выражена гендерная разнонаправленность интересов: мужчины тяготеют к экспансивным войнам, бравурируют презрением к смерти, находят оправдание для ведения войн, внешне облагораживая их всевозможными определениями – «справедливая», «национально-освободительная», «война, которая положит конец всем войнам» и т. д. Женщины на созна-

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы. М., 1985. С. 474.

тельном и подсознательном уровнях подчеркивают противоестественность войн, всей своей сущностью тянутся к миру и мирным заботам.

В завершающей части повести Л.Н. Толстой более прицельно затрагивает тему «война и кавказская женщина». По Толстому, субкультурой северокавказских народов выработался некий невидимый «женский фронт», противостоящий тотальной милитаризации населения, разгулу зла и насилия в умонастроении мужчин. Сами народы, движимые инстинктом самосохранения, придумали и ввели в пользование множество тонко разработанных «гендерных» механизмов ослабления антагонизма между противоборствующими сторонами. Среди этих механизмов, как показывает русский писатель, аталычество, обретение молочной матери (эмчек ана), побратимство, белые платки и т. д. Это своего рода социальные «антибиотики», направленные на предотвращение эпидемии «людовой ненависти».

Кавказский горец Хаджи-Мурат, с младенчества впитавший в себя культ матери и культ семьи, и в зрелом возрасте более всего поклоняется этим сверхценностям. Ни воинская слава, ни боевые победы, ни обещанный высокий социальный ранг, ни вероятное владычество на огромной территории Кавказа ни на йоту не прельщают толстовского героя, если при этом его лишат радости общения с родными. Если выстроить в единый гипертекст все речевые отрезки Хаджи-Мурата в повести, то на первом месте окажется слово «семья». Все помыслы и действия героя движимы идеей спасения семьи. Хаджи-Мурат предлагает и конкретный план решения его проблемы – собрать на границах пленных горцев и выменять их на членов его семьи.

Раскрывая творческую историю повести «Хаджи-Мурат», литературоведы указывают на изначальное желание писателя создать образ сложного, противоречивого, «текучего» героя. Надо сказать, Л.Н. Толстому в полной мере удалось создать образ «текучего» человека в лице Хаджи-Мурата, причем не только в сугубо иносказательном, метафорическом смысле, но и в прямом номинативном, если учесть, что герой и в геополитическом, идеологическом смысле имеет обыкновение «перетекать» из одного стана в другой. Но куда бы он не перемещался, у него всегда есть одна постоянная, неизменная величина, которая является мерой его экзистенциального счастья, высшей идеей его существования на земле. Это его семья, которая как для Хаджи-Мурата, так и для писателя является венцом гендерной культуры. Примечательно, что в последней смертельной схватке Хаджи-Мурат гибнет не за Кавказ и не за Россию, не за интересы имама Шамиля или Николая Первого – он отдает жизнь за сохранение своей семьи.

Хаджи-Мурат – трагический герой. Ю.Б. Боров пишет: «Центральная проблема трагедийного произведения – расширение возможностей человека, разрыв тех границ, которые исторически сложились, но стали тесными для наиболее смелых и активных людей, одухотворенных высокими идеалами. Трагический герой прокладывает путь к будущему, он взрывает устоявшиеся границы, он всегда на переднем крае борьбы человечества, на его плечи ложатся наибольшие трудности»¹.

Всей своей многотрудной драматической судьбой, душевными метаниями и трагической смертью герой Л.Н. Толстого провозглашает относительность, призрачность территориально-локальных побед и безотносительную, вековечную сверхценность семьи как фундаментальной основы человеческого счастья. Для Толстого важно показать, что любовь выше власти в экзистенциальном измерении. Как справедливо отмечает литературовед С.Г. Семенова, «одним из цен-

¹ Боров Ю.Б. Эстетика. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 77.

тральных пунктов настойчивой проповеди героя толстовской повести является как раз идея “властвования женщин”, униженных социально, но нашедших неотразимые чувственные методы порабощения господствующей мужской половины человечества»¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Борев Ю.Б.* Эстетика. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. 495 с.
- Кучукова З.А.* Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. 301 с.
- Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.
- Сергеенко А.П.* «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести / Вступ. ст и примеч. В.А. Ковалева. М.: Современник, 1983. 339 с.
- Семенова С.Г.* Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.
- Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. 301 с.
- Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Повести. Рассказы / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Виноградова. М.: Сов. Россия, 1985. 509 с.

REFERENCES

- Borev Yu.B. (1988) Aesthetics. 4th ed., suppl. Moscow. Politizdat Publ. 495 p.
- Kuchukova Z.A. (2015) Karachay-Balkar Vertical. Nalchik: Elbrus Publ. 301 p.
- Pushkareva N.L. (2007) The Gender Theory and Historical Knowledge. St.-Petersburg. Aleteya Publ.; Autonomous Non-Profit Organization Of Science And Culture “Zhensky Proekt SPB”. 496 p.
- Sergeenko A.P. (1983) Leo Tolstoy “Hadji Murad”. History of the Creation / Introd. article and notes by V.A. Kovalev. Moscow. Sovremennik Publ. 339 p.
- Semenova S.G. (2016) Russian Literature of the 19–20th centuries: From Poetics to World Outlook. Moscow. Akademicheskyy Proekt Publ.; Paradigma Publ. 2016. 890 p.
- Sultanov K.K. (2007) From Home toward the World: Ethnonational Identity in Literature and Intercultural Dialogue / A.M. Gorky Institute of World Literature RAS. Moscow. Nauka Publ. 301 p.
- Tolstoy L.N. Hadji Murad. In: Tolstoy L.N. The Stories. The Short Stories / Compil., introd. article and comment. by I.I. Vinogradov. Moscow. Sovetskaya Rossiya Publ. 1985. 509 p.

Сведения об авторе:

Эсет Хамзатовна Манкиева,
канд. филол. наук
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Eset Kh. Mankieva,
PhD
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

¹ *Семенова С.Г.* Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. С. 227.